

автор Аддисон Дж.

МФ $\frac{\text{к1}}{346\ldots}$

18.262.3.46

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛАТА,

ПЕРСИДСКАЯ СКАЗКА.

Перевелъ съ Персидскаго языка.

Карачунъ.

ВЪ Санктпетербургѣ 1771 года.

2/18

ПЕРСИДСКАЯ СКАЗКА.

Имя Гелимово поднесь славно по всему востоку; и понынѣ еще называется онъ въ Персїи Гелимъ, великїй врачь. Онъ изыскалъ силу простыхъ лекарствъ, имѣлъ совершенное свѣдѣнїе въ движенїи звѣздъ, и проникнулъ во всѣ таинства начертанныя на печати Соломоновой; былъ правителемъ черной палаты и начальникомъ врачей великаго Альнаресхина Царя Персидскаго.

Сей Альнаресхинъ почитался наилютѣйшимъ тираномъ между всѣми прежде его царствовавшими въ сихъ странахъ; былъ нрава подозрѣвающаго и кровожаждущаго. Неосновательныя ревности довели его до умерщвленія тритцати пяти своихъ султаншъ, и болѣе дватцати своихъ сыновъ, которыхъ всѣхъ обвинялъ онъ во умыслахъ противъ его живота. На конецъ утрудясь продолжать ужасныя свирѣпости и проливать собственную свою кровь, устрашился пресѣченія племени Калифовъ. Нѣкогда призвалъ онъ къ себѣ Гелима, и говорилъ ему: Гелимъ! Давно удивляюсь я глубокой твоей премудрости и поступкамъ; теперь хочу показать тебѣ, до чего простирается моя къ тебѣ довѣренность, слушай: у меня

теперь осталось два сына и тѣ еще младенцы; ихъ вознамѣрился я поручить твоему смотрѣнію, и что бы ты о воспитаніи ихъ такое имѣлъ попеченіе, какъ родной ихъ отецъ; вселилъ бы въ нихъ сію къ ученію охоту, которая юныя души отвращаетъ отъ властолюбивыхъ помышленій. Симъ только образомъ поколѣніе Калифовъ можетъ сохраниться, и дѣти мои по кончинѣ моей наслѣдятъ престолъ Персидскаго государства, не стараяся объ ономъ при жизни моей. Воля Царя и Государя моего да исполнится, отвѣчалъ Гелимъ, и упавъ къ ногамъ монаршимъ, возвратился въ домъ свой. Вскорѣ послѣ сего отвели молодыхъ Царевичей къ Гелиму, и съ того времени не упускалъ онъ ничего, что

бы могло вселить въ нихъ вкусъ къ наукамъ и къ добродѣтели. Они любили и почитали Гелима какъ своего отца, и подъ его смотрѣнїемъ толь великїе успѣхи показали, что на дватцатомъ году совершенно обучили всѣ науки, кои тогда на востокѣ во употребленїи были. Большой назывался Ибрагимъ, а меньшой Абдалахъ; они жили въ такомъ совершенномъ согласїи, что дошло и до позднѣйшихъ временъ, когда случалось описывать двухъ совершенныхъ друзей, то говаривали, что они такъ дружны, какъ Ибрагимъ и Абдалахъ.

Гелимъ имѣлъ только одну дочь, которая въ наипрелестнѣйшемъ тѣлѣ имѣла душу совершенную, а отецъ ея употребилъ старанїе просвѣтить

раз-

разумѣ ея науками. Но какѣ младые Царевичи совсѣмѣ удалены были отѣ обхожденія свѣтскаго, то за удовольствіе почитали всякой день быть вмѣстѣ сѣ сею прекрасною дѣвицею, которая упражнялася сѣ ними вѣ однихѣ наукахѣ. Абдалахѣ былѣ сѣ природы нѣжнѣе Ибрагима, почему не чувствительно влюбился вѣ прелести и разумѣ сей младой дѣвицы; привычка и частыя свиданія страсть его повседневно умножали, и на конецѣ не могѣ уже онѣ и одного пробыть дня, не видавшись сѣ прекрасною Бальзорою.

Слава о красотѣ и разумѣ ея столь была велика, что на конецѣ дошла и до ушей Калифа, которой, подѣ видомѣ посѣщенія дѣтей своихѣ, удовольствовалѣ свое любопыт-

 ство.

ство. Онъ увидѣлъ несравненную Гелимову дочь, прелести ея лица и разумъ, совсѣмъ его обворожили. Калифъ всю ночь препроводилъ въ безпокойствіи, а на другой день велѣлъ призвать къ себѣ Гелима, и говорилъ ему: Я вознамѣрился наградить всѣ твои услуги возведеніемъ дочери твоей со мною на престолъ Персидскаго царства. Гелимъ зналъ довольно участь сихъ нещастныхъ невольницъ, доходившихъ до сей степени, и притомъ вѣдалъ, что любовь между младыми его учениками столь была велика, что безъ лишенія жизни помышлять о разлукѣ ихъ было не возможно. Для сего употребилъ онъ все свое красноречіе, что бы отвести Калифа отъ сего предпріятія: Пророкъ, говорилъ онъ, да удалитъ подобныя сему же-

желанія отъ моего Государя, и кровь Калифовъ никогда не будетъ осквернена кровію столь подлою. Нѣтъ, вскричалъ Калифъ, будучи побуждаемъ не обузданнымъ желаніемъ ко обладанію толь прелестной супруги, воля моя исполнится, и что бы сей часъ Бальзора приведена была къ моему престолу, а ты потщись ее пріуготовить къ славѣ, которую ей любовь моя опредѣлила.

Мало времени спустя, предстала Бальзора предъ страшнаго Альнаресхина, не догадываясь совсѣмъ о намѣреніи сего Государя; она показалася глазамъ Калифовымъ пресвѣтлѣе райскихъ Гурій: но какъ только услышала о намѣреніяхъ его, то пала полумертвая къ ногамъ своего

тирана. Гелимъ бывши свидѣтелемъ печальнаго сего зрѣлища, не могъ удержаться, что бы не проливать слезъ. Онъ употребилъ все свое искусство, дабы возвратить ей чувство, въ чемъ по долгомъ времени и имѣлъ успѣхъ. Онъ представилъ своему Государю, что безъ сомнѣнія младая душа Бальзорина, не могшая вмѣстить толикой славы, причинила ей сей обморокъ, и что онъ за нужное почитаетъ взять ее къ себѣ, что бы помалу пріуготовить ее къ толь мало ожидаемой ею судьбѣ. Калифъ подтвердилъ сіе намѣреніе, и нещастная дѣвица отнесена была въ домъ отца своего, гдѣ присутствіе дражайшаго ея Абдалаха столь умножило ея горесть, что занемогла она горячкою. Царь былъ увѣренъ о печальномъ состояніи, въ ко-

которомъ они находились чрезъ своихъ придворныхъ, почувствовалъ такую горесть, какую душа его подобная чувствовать можетъ. Чтожъ касается до Гелима, то былъ онъ въ ужасномъ состоянїи; жалость къ дочерѣ, всей его нѣжности достойной, вразумила на конецъ его къ средствамъ избавиться отъ угрожаемой ему печали. Онъ возстановилъ лекарствами и словами въ тѣлѣ и душѣ дочери своей тишину и спокойствїе, и открывъ ей свое намѣренїе, далъ принять такое питье, которое должно было ее усыпить на нѣсколько часовъ, и придать цвѣтъ мертваго человѣка. На конецъ учредя сїе, пошелъ онъ предъ Калифа, и увѣдомилъ о мнимой смерти дочери, съ видомъ отца чрезмѣрно огорченнаго смертїю его дочери. Сїя хитрость

рость получила желаемой успѣхъ; Калифъ не будучи приученъ вдаваться въ размышленія приличныя человѣчеству, утѣшился скоро о сей утратѣ; однакожъ любовь, которою онъ славился, принудила его сказать Гелиму, что какъ уже всѣ подданные его извѣстны о его намѣреніи, которыя имѣлъ онъ въ разсужденіи Бальзоры его дочери, то вознамѣрился почтить ее какъ дѣйствительную Султаншу, повелѣвъ тѣло умершей положить въ черной палатѣ, возлѣ усопшихъ Царицъ.

Абдалахъ, коего народные слухи увѣдомили о намѣреніяхъ его родителя, не меньше былъ огорченъ, какъ и предметъ нѣжной его любви. Находятъ въ исторіи Гелимовой всѣ подробности печали младаго

го сего Царевича, что приключилась ему болѣзнь, которую Гелимъ представилъ Калифу отчаянною и неизлечимою. Но я здѣсь скажу только, что нѣсколько спустя дней послѣ ложной смерти дочери своей, Гелимъ далъ влюбившемуся Царевичу выпить того же напитка, которой и Бальзору погрузилъ въ глубокой и продолжительной сонъ.

У Персїянъ тогда былъ обычай, погребать просто въ черной палатѣ всѣхъ Царскаго рода, не много спустя послѣ ихъ смерти. Палата сїя была общимъ гробомъ всѣмъ тѣмъ, кои происходили отъ поколѣнїя Калифовъ, кои соединены были со оными родствомъ. Черная палата поручалася въ смотрѣнїе главному врачу, и его должность была не толь-

ко, что въ жизнь родъ Калифовъ цѣлить лекарствами, но и по смерти тѣла усопшихъ наполнять всякими душистыми и крѣпкими мастьми, что бы и по смерти сохранить ихъ отъ тлѣнности.

Зданіе сіе черною палатою прозвано было по тому, что оно было сдѣлано изъ чистаго и гладкаго мармора того цвѣта. Пять тысячь неугасаемыхъ свѣтильниковъ его освѣщали; тутъ были сто дверей сдѣланы изъ самаго лучшаго Евеноваго дерева, изъ которыхъ каждый день и нощь охраняемы были пятьюдесять черныхъ невольниковъ, кои никого туда не впущали, опричь главнаго врача.

Ге-

Гелимъ приказавъ дочь свою отнести въ сїе великолѣпное и плачевное зданїе, возбудилъ ее отъ наложеннаго имъ сна. Чрезъ нѣсколько времени принесенъ былъ туда и влюбленной Абдалахъ, которой выпилъ изъ рукъ Гелимовыхъ тотъ же напитокъ. Не можно изобразить радости и удивленїя, въ которыя онъ вдался проснувшись. Абдалахъ воображалъ, что онъ уже находится во обиталищѣ благихъ правовѣрныхъ, и думалъ, что духъ Бальзоринъ, исшедшїй не за долго предъ нимъ, идетъ ему на встрѣчу. Но Бальзора скоро вывела его изъ сего заблужденїя, сказавъ ему въ какомъ мѣстѣ онъ находится. Истребленное его мечтанїе не уменьшило его радости; сїе обиталище ужаса и смерти казалося ему въ собесѣдованїи

дра-

дражайшей его Бальзоры прелестнѣе тѣхъ садовъ, въ которыхъ Магометъ прїемлетъ всѣхъ правовѣрныхъ.

Главной врачь, котораго считали упражняющимся въ бальсамированїи сихъ двухъ тѣлъ, входилъ часто въ черную палату для свиданїя и сообщества съ сими двумя равно любезными ему особами. Всѣ его затрудненїя были въ томъ, какъ бы вывести ихъ изъ сей палаты. Хитрой Гелимъ наконецъ вздумалъ, что полная луна мѣсяца Тизпа приближается, а у Персїянъ было преданїе, что всѣ души Царскїя въ первое по погребенїи ихъ полномѣсячїе исходятъ восточными дверьми изъ черной палаты для отшествїя въ жилище благихъ, для чего и дверь сїя прозывалась райскою. Гелимъ за благо разсу-

дилъ

дилъ употребить въ пользу сїе народное суевѣрїе; и когда настала ночь споспѣшествующая его намѣренїямъ, то одѣлъ обѣихъ любовниковъ въ тонкое и легкое платье лазореваго цвѣта, и покрылъ тонкими покрывалами, кои назади тащились по землѣ; на Абдалаха наложилъ миртовой вѣнецъ, а на Бальзору вѣнокъ сплѣтенной изъ цвѣтовъ, и оросилъ одежды ихъ наидушистыми изъ всей Аравїи водами. Лишь только мѣсяцъ во всемъ своемъ блистанїи возсїялъ, то отворилъ онъ райскїя двери, и по выходѣ любовниковъ опять оныя затворилъ.

Черные невольники, бывшїе не въ дальнемъ отъ сихъ дверей разстоянїи, видя столь блестящее зрѣлище, умножающееся болѣе отъ мѣсячнаго

сїя-

сїянїя, и почувствовавъ благовонїе ароматъ исходящихъ изъ одеждъ сей четы, мыслили твердо, что то были души не давно погребенныхъ. Пораженные и предупрежденные симъ мнѣнїемъ пали на землю по приближенїи мнимыхъ сихъ духовъ, и дали время имъ пройти, не возводя на нихъ не чистые свои взоры.

На другой день сїи невольники наполняли слухомъ весь городъ, что они видѣли исходящїя души; но какъ вельможи, такъ и самъ Калифъ считали сїи расказы за обыкновенныя рѣчи, коими привыкли почитать Царскихъ особъ, то и прошли они безъ всякаго уваженїя. Гелимъ на четверть мили разстоянїемъ отъ черной палаты поставилъ двухъ лошаковъ, гдѣ онъ съ ними и соеди-

единился, и всѣ трое радовались о благополучномъ успѣхѣ невинной сей хитрости; онъ отвезъ ихъ въ собственной его домъ, находившійся на горѣ Каканѣ. Воздухъ тамъ былъ столь свѣжъ, что Гелимъ нѣкогда привозилъ туда самаго Калифа для излеченія отъ долговременной его болѣзни. Сей Государь возвращаясь въ городъ, подарилъ врачу своему всю сію гору, гдѣ онъ имѣлъ хорошій домъ и прекрасной садъ. Въ семъ-то пріятномъ уединеніи жили Абдалахъ и Бальзора, никогда не зная скуки: они отъ нее избавлены были помощію любви и наукъ въ ихъ понятіяхъ вмѣщенныхъ. Абдалахъ умѣлъ перемѣнять свои упражненія, и довольствуясь положеніемъ мѣста своего жилища, съ радостію упражнялся въ наукѣ о земле-

дѣ-

дѣлїи и садовъ, въ которыхъ онъ столь преуспѣлъ, что въ малые годы преобразилъ всю гору въ прїятные сады, наполненные частыми рощами, бесѣдками и цвѣтниками. Гелимъ, какъ нѣжной отецъ, старался все нужное доставлять симъ любящимся, чтобы пребыванїе ихъ сдѣлать прїятнѣйшимъ.

Около десяти лѣтъ прошло послѣ мнимой смерти сихъ любовниковъ, какъ Альнаресхинъ былъ взятъ смертоноснымъ Ангеломъ; по кончинѣ его возведенъ на престолъ сынъ его Ибрагимъ, которой по смерти брата его призванъ былъ ко Двору, какъ наслѣдникъ престола. Гелимъ не смѣлъ ему открыть сїю тайну, опасаясь нещастїя, ежели бы дошло то до ушей Альнаресхиновыхъ, хотя и видѣлъ

онъ

онъ Ибрагима долгое время о смерти брата своего сокрушающагося. По восшествіи же его на престолъ, искалъ онъ только удобнаго случая къ сему признанію; ибо онъ былъ увѣренъ, что вѣстію сею много обрадуетъ брата и Царя хорошаго нрава. Долго не могъ онъ найти сего способнаго времени; но оное само представилось тогда, какъ онъ меньше всего о томъ думалъ. Молодой Царь нѣкогда въ жару своей охоты отсталъ отъ своихъ придворныхъ, и находился близь горы Какана, утомленъ жаромъ и жаждою. Онъ увидѣлъ домъ, приближась ко оному, дабы усладить свою жажду, спрашивалъ чего нибудь выпить. Гелимъ въ то время находился тамъ; онъ поставилъ предъ Царя, своего питомца, всѣ плоды и наивкус-

нѣй-

нѣйшія вина, которыя онъ тамъ имѣлъ, и видя Царя угощенїемъ его весьма довольнаго, сказалъ ему, что онъ несравненно прїятнѣе сего ему представитъ. Послѣ сего открылъ ему всю тайну о его братѣ. Открытїе сїе въ душѣ младаго Царя произвело неизреченную радость и величайшее удивленїе. Въ сїе время увидя брата своего, которой велъ за руку Бальзору, вскочилъ съ софы и вскричалъ: это онъ! Это дражайшїй мой Абдалахъ! Онъ схватилъ его въ свои обьятїя, и оба проливали отъ радости слезы. Бывшїе тутъ въ сїе время находилися въ глубокомъ молчанїи. Царь милостиво выговаривалъ Гелиму за его жестокость и недовѣрчивость въ порученїи ему сей тайны. Онъ послѣ сего обнималъ Бальзору,

и

и сказалЪ ей, что онЪ непремѣнно желанїе отца своего хочетЪ исполнить, возведя сЪ братомЪ своимЪ на престолЪ всѣхЪ побѣжденныхЪ народовЪ, по ту сторону рѣки Тигра. Но сколь велико было его удивленїе, когда услышалЪ онЪ отвѣтЪ сихЪ любящихся особЪ, ему толико любезныхЪ, что они прїемлютЪ великодушїе его сЪ должною благодарностїю кЪ Царю, брату и другу, что дары сїи имЪ любезны, но вЪ тысячу еще разЪ любезнѣе имЪ сїе уединенїе, кЪ которому они уже привыкли. Они усильно потомЪ просили Царя, чтобЪ отмѣнилЪ онЪ свое намѣренїе. Царь соглашаясь сЪ ихЪ хотѣнїемЪ, подарилЪ имЪ всѣ тѣ поля, которыя можно было видѣть сЪ верьшины горы Какана. АбдалахЪ вступя во обладанїе

оныхъ, приложилъ свое искусство и попеченіе, и украсилъ всѣ сіи пространныя поля пещерами, водометами, дорогами, бесѣдками, и словомъ: онъ сдѣлалъ изъ нихъ наипрекраснѣйшія мѣста изъ всей Персидской области, которыя и поднесь еще называются Персидскимъ садомъ.

Калифъ Ибрагимъ послѣ долговременнаго своего царствованія преставился бездѣтенъ; по завѣщанію его возведенъ былъ на престолъ сынъ Абдалаховъ и Бальзоринъ. Сей Царь перенесъ столицу Персидскаго государства на гору Каканъ, гдѣ и по сіе время видны еще палаты отца его, любимое жилище Персидскихъ Государей.

КОНЕЦЪ.

18.262.3.46.

зогр
18 век
шифр
18.262.3.46.